

Елена Арсеньева

Прощальный поцелуй (Амалия Крюденер – Федор Тютчев)

Часть сборника
Женщины для вдохновения
(сборник)

Елена Арсеньева
Прощальный поцелуй (Амалия
Крюденер – Федор Тютчев)
Серия «Женщины для вдохновенья»

*Текст книги предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=138503
Арсеньева Е. Женщины для вдохновенья: Эксмо; М.; 2005
ISBN 5-699-09537-3*

Аннотация

«— Ну что, отбыл Крюденер? — спросил Николай Павлович, поигрывая ложечкой в чайной чашке.

Чудилось, он смотрел именно на эту позолоченную ложечку с вензелем, на тончайший, сквозящий на солнце веджвуд, покрытый тонкой цветочной паутиной изысканного рисунка, однако краем глаза отлично видел, как напряглись лица Бенкендорфа, сидевшего напротив, и дочери Ольги. Жены, Александры Федоровны, сидевшей от него слева, император видеть не мог, однако отчетливо ощутил, что напряжение исходит и с этой стороны...»

Содержание

От автора	4
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Елена Арсеньева Прощальный поцелуй (Амалия Крюденер – Федор Тютчев)

От автора

Их глаза глядят со страниц романов, их смех звенит в строках стихов... Они вдохновляли поэтов и романистов. Их любили или ненавидели (такое тоже бывало!) до такой степени, что эту любовь или ненависть просто невозможно было удержать в сердце, ее непременно нужно было сделать общим достоянием. Благодаря им болезнь любви или ненависти заражала читателей. Их мало волновало, конечно, чьи коварные очи презираемы Лермонтовым, кого ревнует Пушкин, чьими страстями упивается Достоевский, чьим первым поцелуем украдкой любит Толстой, кого всю жизнь нежно обожает Тютчев и к чьим ногам слагают сердца герои Тургенева... Главное – глубина чувств, тайна, а не праздное любопытство!

Ну что ж, а мы – мы полюбопытствуем и заглянем в эту глубину, приподнимем покров этой тайны: любви или нена-

висти творцов к своим музам.

* * *

– Ну что, отбыл Крюденер? – спросил Николай Павлович, поигрывая ложечкой в чайной чашке.

Чудилось, он смотрел именно на эту позолоченную ложечку с вензелем, на тончайший, сквозящий на солнце веджвуд, покрытый тонкой цветочной паутиной изысканного рисунка, однако краем глаза отлично видел, как напряглись лица Бенкендорфа, сидевшего напротив, и дочери Ольги. Жены, Александры Федоровны, сидевшей от него слева, император видеть не мог, однако отчетливо ощутил, что напряжение исходит и с этой стороны.

А ведь вопрос – вроде из самых что ни на есть обыденных. Интересуется государь, отбыл ли к месту прохождения службы – в Стокгольм – новый русский посланник, Александр Крюденер. Но вы только посмотрите, сколько вызвал сей невинный вопрос потаенных чувствий! Какие эмоции, какие, с позволения сказать, страсти воскипели за скромным чайным столом! Того и гляди, веджвуд поверх паутинок цветочков-ягодок пойдет трещинами от воцарившегося кругом напряжения!

Ну, что Бенкендорф сделался не в себе – так ему и надо. Что за, понимаете ли, шутки – настолько голову терять из-за бабы... пусть даже ослепительной красавицы, пусть даже

кружившей голову самому государю! Потерять голову, напортачить в делах... напортачить во вред державе, между прочим!

Ну а дамы почему онемели? Почему молчат? Вопрос был задан простейший. Ну и где ответ?

Оч-чень занятно!

– Так что там насчет Крюденера? – настойчивее повторил Николай Павлович. – Уехал он?

– Он-то уехал, – пробормотала Ольга. – *Он-то* уехал...

– Так, – сказал Николай Павлович, почуяв что-то неладное. – Он уехал, а...

– Его супруга осталась, – сухо договорила Ольга. – Его супруга занемогла. У нее... корь.

– Корь?!

– Корь, mon père¹, – повторила Ольга. – И болезнь сия требует шестинедельного карантина.

– Шестине... – Николай Павлович осекся.

Шесть недель. В неделе семь дней. Шестью семь – срок два. То есть еще *полтора месяца* эта особа, которую совершенно не переносит его семейство и от которой у Сашки Бенкендорфа делаются нервические содрогания, будет здесь?..

– Корь? – проворчал Николай Павлович. – Откуда взялась эта корь? Я не замечал в ней никаких признаков болезни. Она не побледнела, не похудела...

¹ Отец мой (франц.).

– О нет, не похудела, скорее – напротив, mon père, – почтительно произнесла Ольга.

Но что-то почудилось Николаю Павловичу в этой почти-тельности, и в этом кивке, и в этом *мертвом молчании*, которое вдруг воцарилось на лице Бенкендорфа...

– Молока мне налей, Федор, – не оборачиваясь, кивнул Николай Павлович лакею, стоявшему, точно ангел-хранитель, за правым плечом. И вмиг, словно из воздуха, возникла перед ним большая фаянсовая кружка (император молока почти не пил, ну а если пил, то непременно из тяжелого, даже грубого, белого петербургского фаянса), полная ровно до половины – больше молока его организм не принимал.

Молоко требовалось для минутной паузы. Пауза требовалась для передышки. Передышка – для обдумывания.

– Напротив, значит? – повторил с вопросительной интонацией Николай Павлович, спрятав эмоции под той же безразличной маской, которую хранили все окружающие.

Молчание.

Молчание – знак согласия...

– Эва-а! – протянул император со смешком. – И кто виновен? Кто же к сей полноте причастен? О супруге, как я понимаю, речи нет, давно нет... Тогда кто-с? Его высокопревосходительство? – Движение выпяченным подбородком в сторону графа Александра Христофоровича Бенкендорфа.

Того аж передернуло, но он ни звука не издал. Однако император почувствовал, что и его, и общее молчание на сей

раз следует истолковать как знак *не* согласия.

– Ну, стало быть, Владимир Федорович?

Имелся в виду министр императорского двора Владимир Федорович Адлерберг.

Вновь последовало молчание, и смысл оно имело все тот же.

– Ну и кто ж тогда-с? – спросил император не без угрюмости. – Ники, что ли?

Легкое движение Ольгиной брови он заметил еще до того, как дочь успела подавить чувства.

Ага. Значит, в точку.

Молчание вновь стало единодушным знаком *согласия*.

Ну, господа... Ну, дамы... Ну, дамы и господа...

А впрочем, какая разница, с чьей помощью располнела мадам Крюденер. Главное, что ее внезапную полноту не приписывают соучастию государя-императора!

А ведь могли бы...

– Федор, – сказал Николай Павлович, не поворачивая головы, и почувствовал, как стоявший за плечом лакей склонился ниже, – ты вот что, голубчик, ты сделай милость, поди в мой кабинет и принеси мне книжечку. Синенькая такая тоненькая книжечка, лежит на моем письменном столе. Закладкою заложена.

Приступ книгочейства, внезапно овладевший императором в разгар чаепития, отчего-то встревожил всех сидящих за столом. Дочери и императрица втихомолку переглядыва-

лись, у Бенкендорфа был такой вид, словно выпитый чай уже встал ему поперек горла. Небось догадался Сашка, что за книжечку сейчас подадут! Хоть голову он из-за Амели Крюденер явно потерял, однако ж дураком из-за этого не стал.

Федор вернулся и с поклоном положил на стол синенькую книжечку с закладкою.

Стихотворения Федора Тютчева – было начертано на обложке.

Николай Павлович взял сборник и обвел взглядом своих дам. Ох, как они поджали губки! Николай Павлович обожал семью, однако ему порою доставляло удовольствие позабавиться над дочерьми и женой.

Он открыл книжку и, несколько отставив ее от себя, чтобы видно было лучше, прочел своим высокомерным, холодноватым голосом:

Я помню время золотое,
Я помню сердцу милый край.
День вечерел; нас было двое;
Внизу, в тени, шумел Дунай.

Остановился, оторвался от книги, окинул взглядом общество. Дамы были скандализированы. Бенкендорф... ну, на этого лучше было вообще не глядеть. Его сейчас хоть медицинским студентам предъявляй в качестве иллюстрации к начальной стадии апоплексического удара!

Небось решили, что государь издевается над ними. Ведь

это стихотворение Тютчева посвящалось не кому-нибудь, а вышеупомянутой скандальной баронессе Крюденер.

Однако дело было не только в издевках. Просто именно с этой встречи на Дунае все и началось! И если бы тогда жизненные обстоятельства и люди не разлучили двух молодых влюбленных, вряд ли русский двор имел бы сейчас то, что имеет теперь: проштрафившегося министра, уязвленного императора, сосланного в шведскую глухомань дипломата, рассерженных дам... а главное — эту опасную, очаровательную, распутную, пленительную Амалию.

А ведь раньше, судя по только что прочитанным стихам, она была совсем другая. И только Тютчев, он один знал ее в то золотое время их первой любви, которая весь мир украшает...

Я помню время золотое,
Я помню сердцу милый край.
День вечерел; нас было двое;
Внизу, в тени, шумел Дунай.

Дунай шумел где-то близ Мюнхена, в сердце Баварии. Шумел, пробивая себе дорогу через восточные склоны Шварцвальда. Сюда, в Мюнхен, в середине 1822 года прибыл секретарь русского посольства — нетитулованный дворянин Федор Тютчев, ничего особенного собой не представляющий и не записанный даже в штат дипломатического корпуса. Тютчев только начинал дипломатическую карьеру и был

должностью своей премного доволен.

К тому же он сразу обратил на себя внимание умом, проницательностью, остроумием, образованностью и утонченной начитанностью. Лишь недавно он закончил Московский университет. Поговаривали, что уже с четырнадцати лет он состоит членом Общества любителей российской словесности и не только пописывает стишки, как и положено всякому образованному дворянину, пусть даже и не титулованному, но и печатает их. Впрочем, ему едва минуло восемнадцать лет, так что доброжелатели допускали: все у него еще впереди: и дипломатическая карьера, и литературная.

Забегая вперед, можно сказать, что доброжелатели оказались правы.

Новый сотрудник посольства – пусть и не блещущий богатырской статью, но прелестный танцор, остроумный собеседник, к тому же поэт – сделался желанным гостем и в придворных кругах Мюнхена, и у литераторов, музыкантов и ученых. Он общался с Шеллингом, с Генрихом Гейне, изучал немецкую философию и первым начал переводить на русский язык Шиллера и Гёте.

И вот однажды в одном из самых утонченных и светских обществ он увидел девушку поразительной красоты.

И на холму, там, где, белея,
Руина замка вдаль глядит,
Стояла ты, младая фея,
На мшистый опершись гранит,

Ногой младенческой касаясь
Обломков груды вековой;
И солнце медлило, прощаясь
С холмом, и с замком, и с тобой.

И ветер тихий мимолетом
Твоей одеждою играл
И с диких яблонь цвет за цветом
На плечи юные свевал.

Младую фею, на которую одновременно загляделись Тютчев и закатное солнце, звали Амалия фон Лерхенфельд. Ее красота была и впрямь блистательной, но в то же время пронизательный взгляд Федора Тютчева отметил, что этот блеск сопровождался легкой тенью некоей тайны. Ну что ж, недаром он назвал ее феей!

Тайна заключалась в происхождении Амалии... Впрочем, это была скорее не тайна, а так – секрет Полишинеля. Ее рекомендовали как дочь графа Максимилиана фон Лерхенфельда, дипломата во втором поколении, баварского посланника в Берлине и Вене, однако все в обществе знали, что Амалия лишь воспитывалась в семье графа и пользовалась всеми привилегиями родной дочери. Там ее называли Аме-ли, на французский лад. На самом же деле она была дитятею прусского короля Фридриха Вильгельма III и владетельной немецкой принцессы.

Роковая любовная связь прусского короля и принцессы, его кузины, случилась пятнадцать лет назад, и, таким образом, при первой встрече с Тютчевым Амалии было всего четырнадцать с небольшим. Поэтому плечи ее и впрямь были юные, юные, юные...

Молва нисколько не вредила репутации «младой феи». Ее происхождение было не позором, а привилегией. Голубая, тем паче – королевская кровь много значила, и среди степенных графов и князей некоторые гордились, если могли отыскать в себе хотя бы несколько капель ее. Амалия же, откуда ни взгляни, была отпрыском королевской фамилии, а также двоюродной сестрой принцессы Шарлотты, будущей русской императрицы Александры Федоровны, жены Николая I.

Граф Максимилиан воспитал «дочь» великолепно – она не ведала отказа в желаниях, она получила блестящее образование, красота ее была заботливо взлелеяна и облачена в самые что ни есть дорогие одеяния и драгоценности... неудивительно, что юный Тютчев потерял голову с одного взгляда на эту красоту!

Ты беззаботно вдаль глядела...
Край неба дымно гас в лучах;
День догорал; звучнее пела
Река в померкших берегах.

И ты с веселостью беспечной
Счастливый провожала день;

И сладко жизни быстротечной
Над нами пролетала тень.

Слово «тень» оказалось здесь не случайно: ее поэт ощутил вещим сердцем. Это была тень над их будущим. Они ведь влюбились друг в друга – Амалия фон Лерхенфельд и Теодор Тютчефф, как его называли на немецкий манер. Однако – увы! – принцы и принцессы, пусть даже побочные, не властны ни в желаниях своих, ни в велениях сердец. Все, что могли себе позволить Амалия и Теодор, это обменяться шейными цепочками (причем дядька Тютчева, Никита Афанасьевич Хлопов, отписывал своей хозяйке, Екатерине Львовне Тютчевой: Феденька-де «вместо своей золотой получил в обмен только шелковую»), а затем Амалии было предписано выйти замуж за секретаря русской дипломатической миссии барона Александра Сергеевича Крюденера.

Строго говоря, «отец» Амалии, граф Максимилиан фон Лерхенфельд, наверное, думал: а какая разница? Тот по дипломатической части – и этот. Тот служит России – и этот. Вся разница в должности и в годах. Тот – мальчишка, юнец, ничем себя не зарекомендовавший. Этот – с положением, титулом, в возрасте.

Мальчишка-юнец тяжело переживал потерю. Ведь он был совершенно убежден в любви Амалии! Она сама призналась ему, что любит!

Сей день, я помню, для меня

Был утром жизненного дня:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.